

HARLEQUIN®
053

Джорд Мортимер
**НЕ ПРОСТО
СКРОМНИЦА**

И С Т О Р И Ч Е С К И Й Р О М А Н

Кэрол Мортимер
Не просто скромница
Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 53

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8583504
Не просто скромница: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05386-2*

Аннотация

Вдовствующая герцогиня Ройстон заключила пари со своими подругами о том, что ее красавец-внук Джастин Сен-Джаст объявит о своей помолвке в ближайшие две недели. Задача не из легких, поскольку молодой герцог вовсе не собирался вступать в брак. Но его бабушка затеяла гениальную интригу, за которой с замиранием сердца следит ее юная компаньонка Элеонора. Она давно уже влюблена в Джастина, в чем не признается даже себе. Да и положение ее безнадежно: у девушки нет ни денег, ни достойного происхождения, зато она умна и необыкновенно хороша собой...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	27
Глава 4	47
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Кэрол Мортимер

Не просто скромница

Питеру, любви всей моей жизни

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Not Just a Wallflower Copyright

© 2013 by Carole Mortimer

«Не просто скромница»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного раз-

решения владельца авторских прав.

Глава 1

Июнь 1817 г. Лондонский дом леди Сисели Готорн

– Представляю, как тебя взволновала новость о предстоящем браке Готорна и мисс Мэттьюз! – воскликнула леди Джослин Эмброуз, вдовствующая графиня Чембоурн, и одарила сияющей улыбкой хозяйку дома леди Сисели.

Та кивнула:

– Без некоторых сложностей не обошлось, но я уверена, Адам и Магдалена отлично между собой поладят.

Волнение графини слегка улеглось.

– И как она сейчас, когда все проблемы и неприятности уже позади?

– Неплохо. – Леди Сисели тепло улыбнулась. – Юная леди обладает большой стойкостью.

– Которая оказалась ей кстати, когда этот повеса Шеффилд сделал все, чтобы разорить девушку и разрушить ее репутацию, – с негодованием фыркнула Эдит Сен-Джаст, вдовствующая герцогиня Ройстон, третья в компании старинных подруг.

Леди Джослин обернулась к ней:

– А какие у тебя планы по поводу женитьбы Ройстона?

Это трио уже пятьдесят лет, с тех пор, когда они были девочками-дебютантками, связывала прочная дружба. В начале нынешнего сезона они заключили пакт, что устро-

ят свадьбы своим холостым внукам и тем самым обеспечат продолжение семейных ветвей. Первой успеха достигла леди Джослин. Несколько недель назад ее внук объявил о намерении жениться на леди Сильвиане Мурленд. Свадьбу назначили на конец июня. Сама леди Сисели только совсем недавно перестала волноваться за будущее своего внука. Его невестой стала мисс Магдалена Мэттьюз, внучка Джорджа Мэттьюза, недавно почившего герцога Шеффилда. Так что теперь только вдовствующей герцогине Эдит Сен-Джаст оставалось обеспечить своему внуку Джастину, нынешнему герцогу Ройстону, его герцогиню.

Задача не из легких, учитывая, что сей прекрасный, как грех, надменный и самоуверенный джентльмен неоднократно во всеуслышание заявлял, что не собирается жениться, и в свои двадцать восемь лет уверял бабушку, что не готов к браку.

– До конца сезона осталось всего несколько недель. – Леди Сисели с сомнением взглянула на подругу.

Вдовствующая герцогиня величественно кивнула.

– И Ройстон сделает свой выбор до того, как наступит ночь Хэпвортского бала.

Леди Сисели ахнула.

– Но до него всего две недели!

Эдит довольно улыбнулась:

– К этому времени Сен-Джаст будет уже связан по рукам и ногам, я вас уверяю!

– И ты по-прежнему убеждена, что его суженой станет леди, имя которой ты записала на бумаге и отдала на сохранение моему дворецкому? – Леди Джослин так же сомневалась в успехе этой затеи.

Когда они делились друг с другом своими планами по обеспечению внуков невестами, вдовствующая герцогиня заявила, что уже выбрала невесту для Ройстона и помолвка с этой леди произойдет еще до конца сезона. Нисколько не сомневаясь в выборе, леди Эдит приняла вызов подруг и записала имя девушки на листке, который затем отдала для сохранности Эдвардсу, дворецкому леди Джослин. Записку надлежало открыть в тот день, когда Ройстон объявит о своем намерении жениться.

– Абсолютно убеждена, – по-прежнему уверенно заявила Эдит.

– Но насколько я знаю, Ройстон не остановился ни на одной юной леди нынешнего сезона. – Леди Сисели, самая чувствительная из троицы, не допускала мысли, что дорогая подруга может ошибиться.

– Я знаю, – таинственно заявила вдовствующая герцогиня.

– Но...

– Давай не будем давить на нашу дорогую Эдит. – Леди Джослин успокаивающе сжала руку леди Сисели. – Разве она раньше когда-нибудь оказывалась неправа?

– Нет.

– И сейчас тоже не окажусь, – надменно объявила вдовствующая герцогиня. Однако впечатление портили искорки ликования в поблекших голубых глазах. – Ройстон не просто обнаружит, что его стреножили, но и будет сходить с ума по своей невесте!

Эти слова о высокомерном и циничном герцоге Ройстоне так ошеломили подруг, что они не рискнули развивать эту тему.

Глава 2

Два дня спустя. Клуб «Уайте», Сент-Джеймс-стрит, Лондон

– Личфилд, не пора ли вам признать свое поражение и пойти спать?

– Вам бы так этого хотелось, да, Ройстон? – съехидничал противник по карточному столу. Его покрасневшая физиономия поблескивала от пота в тусклом свете свечей.

– Мне совершенно безразлично, даже если вы проиграете последнюю рубашку, – лениво протянул Джастин Сен-Джаст, герцог Ройстон, и откинулся на спинку стула. Его губочайшее презрение к этому человеку выдавал лишь блеск прищуренных синих глаз. – Я просто хочу, наконец, закончить эту бесконечную игру!

Он очень жалел, что принял вызов Личфилда и сел с ним играть, согласившись лишь потому, что изнывал от скуки и хотел как-то развеяться.

Скука. Слишком знакомое ему чувство с тех пор, как закончилась война с Наполеоном и маленького корсиканца выдворили на остров Святой Елены. Тогда Джастин думал, что может спокойно вернуться в Лондон, выйти в отставку и принять на себя герцогские обязанности. Но всего через пару-тройку недель осознал, что совершил ужасную ошибку. О да, его по-прежнему окружали друзья, да и женщин, жаж-

дущих разделить с ним постель, было в избытке. Комнаты в Мейфэре окружали комфортом, он давно решил, что не станет жить в Ройстон-Хаус, и переехал в собственные апартаменты, оставив бабушку в одиночестве в опустевшем доме. Мать после смерти отца удалилась в загородное поместье и жила там затворницей. Однако все это время он постоянно ощущал нехватку... жизни. Совершенно не представлял, чего ему недостает и как это восполнить. По этой причине он и провел остаток вечера за игрой в карты с человеком, который ему даже не симпатичен!

Лорд Драйден Личфилд бросил на него раздосадованный взгляд:

– Говорят, вам дьявольски везет в карты и на женщин.

– Неужели? – пробормотал Джастин. Он отлично знал, что болтают за его спиной в обществе.

– ...и я уже начинаю сомневаться, действительно ли это удача, а не...

– Осторожней, Личфилд, – негромко предупредил Джастин, внутренне напрягшись от этого невысказанного оскорбления, ничем, однако, себя не выдав, лишь потянулся изящной рукой к бокалу и неторопливо глотнул бренди. Длинные по последней моде золотистые волосы, красивые аристократичные черты с налетом высокомерия – он куда больше походил на падшего ангела, чем на Люцифера. Только, как бы ангельски он ни выглядел, большая часть, если не абсолютное большинство, джентльменов знали: он отлично

владеет обоими видами дуэльного оружия, а Личфилд явно напрашивался на дуэль. – Я уже сказал, чем скорее мы закончим игру, тем лучше.

– Высокомерный ублюдок! – Личфилд яростно взглянул на него. Он был лет на десять старше Джастина, но лишний вес, поредевшие рыжеватые волосы с серебристыми прядями и испорченные дешевыми сигарами зубы значительно его старили. Не скрашивал картину едва сдерживаемый гнев из-за постоянных неудач в картах.

– Не думаю, что оскорбления в мой адрес помогут вам улучшить вашу ужасную игру, – заявил Джастин, беря еще один бокал бренди.

– Ах ты...

– Простите, ваша светлость, вам срочное послание.

Из задымленной полутьмы вынырнул серебряный поднос с письмом с небрежно начертанным именем Джастина. Почерк показался незнакомым.

– Извините, Личфилд. – Не удостоив его взглядом, Джастин взял с подноса письмо, сломал печать и быстро прочел. Затем снова свернул, сунул в карман сюртука и бросил на стол карты. – Партия ваша, сэр. – И, коротким кивком отпустив слугу, встал, поправляя белоснежные манжеты.

– Ха, я так и знал, что это блеф! – с триумфом воскликнул Личфилд и, радостно пыхтя вонючей сигарой, сгреб карты, брошенные Джастином. – Что за?.. – через секунду пробормотал он, недоверчиво глядя на сплошные тузы. Его обрюзг-

шее лицо от гнева пошло багровыми пятнами. Довольно опасно. Джастин не сомневался, сердце Личфилда наверняка сдастся раньше, чем тот доживет до своего пятидесятого дня рождения. – А записка-то от женщины. – Тот, глядя на Джастина сквозь дым сигары, ослабил еще шире. – Вот уж не думал, что когда-нибудь увижу, как дьявольски удачливый герцог Ройстон бросает выигранные карты и срывается с места по первой просьбе некой особы.

Правда, в данный момент «дьявольски удачливому герцогу Ройстону» безумно хотелось схватить Личфилда за измятую манишку и как следует встряхнуть. Вот ведь пес шелудивый!

– А может, я собираюсь сорваться в ее спальню? – Он насмешливо вскинул бровь.

Личфилд громко фыркнул.

– Никакая женщина не стоит карточного выигрыша.

– Эта стоит, – сухо уверил герцог и одарил его высокомерным взглядом. – Желаю вам насладиться остатком вечера, Личфилд.

Сказав так, Джастин не стал больше попусту тратить время и зашагал к выходу по тускло освещенному салону, по пути коротко кивая знакомым.

– Ройстон, поберегись!

Джастина спасла его знаменитая реакция. Он быстро отскочил в сторону и обернулся. Глаза его округлились от удивления. Чей-то кулак успешно остановил рванувшегося

за ним Личфилда, и тот рухнул с изяществом заколотого быка.

Спаситель Джастина присел около него на корточки. Затем выпрямился, и герцог узнал лорда Брайена Андерсона, графа Ричмонда, ладного и грациозного джентльмена лет пятидесяти или около того, с густыми, рано поседевшими волосами.

– Вижу, ваш правый хук, как всегда, безотказен, Ричмонд, – с восхищением произнес Джастин.

– Похоже что так. – Граф поправил манжету, выглядывавшую из-под рукава дорогого черного сюртука. Оба игнорировали лежащего без движения Личфилда. – Смею спросить, чем же вы так вывели его из себя?

Джастин пожал плечами.

– Позволил выиграть у меня в карты.

– Неужели? – Ричмонд поднял брови. – Учитывая размеры его долгов, можно было предположить, что он скорее будет вам благодарен.

– Можно было, да. – Джастин бесстрастно смотрел, как двое слуг с равнодушными лицами уносят Личфилда. – Спасибо за своевременное вмешательство, Ричмонд.

– Не стоит благодарности, – поклонился граф и с сожалением добавил: – По правде говоря, я получил куда больше удовольствия, чем следовало.

Как и все в обществе, Джастин знал, что недавно овдовевший Брайен Андерсон последние двадцать пять лет был при-

вязан к женщине, которая еще в первые месяцы брака упала с лошади и получила серьезную травму головы, в результате чего умственно превратилась в ребенка и оставалась в таком состоянии до самой смерти.

Но, несмотря на это, Ричмонд не отказался от своих брачных клятв. Во всяком случае, публично. Чем он занимался приватно, оставалось его личным делом и в любом случае не осуждалось обществом. Какая, должно быть, это невыносимая пытка – двадцать пять лет быть женатым на женщине, которая считает себя маленькой девочкой. Без сомнения, те часы, что он проводил за спаррингом у Джексона, были попыткой скрасить несчастную жизнь.

Так же как, вероятно, и удар Личфилду.

– В любом случае я вам очень признателен. – Джастин слегка поклонился. – Простите, мне пора. У меня встреча.

– Конечно. – Ричмонд тоже отвесил поклон. – О, и еще, Ройстон. – Он многозначительно взглянул на Джастина. Тот вопросительно вскинул брови. – Я бы на вашем месте постарался быть с Личфилдом осторожнее в ближайшие несколько недель. В роли победителя он еще менее обходителен, чем в роли проигравшего.

Джастин слегка улыбнулся.

– Да-да, – кивнул Ричмонд. – Много лет назад я имел неудовольствие служить вместе с ним в Индии и знаю его задирой с порочным характером. Его не любили ни солдаты, ни офицеры.

– В таком случае странно, что никто не попытался избавиться себя, а заодно и других, от такого тирана.

В армейских кругах ни для кого не было секретом, что завербовавшиеся военные – завербовавшиеся, как же: зачистую им под тем или иным неблагоприятным предлогом просто всучали королевский шиллинг – в неразберихе сражения иногда избавлялись от особо непопулярных офицеров.

Ричмонд с сожалением улыбнулся:

– Задержись он в армии дольше, наверняка бы и случилось, но еще раньше произошел нелicenseприятный инцидент с женой другого офицера, и вышестоящий офицер поспособствовал, чтобы Личфилд скорее покинул Индию.

Джастин несколько секунд изучал лицо графа, на котором не отражалось никаких эмоций.

– А вышестоящим офицером уж не вы ли, сэръ, были?

– Возможно, – мрачно ответил Ричмонд.

– В таком случае запомню ваше предупреждение, – произнес Джастин. – Доброй ночи, Ричмонд.

Не желая терять времени на дальнейшие церемонии, он прошел в холл, надел плащ и шляпу и вышел на улицу.

– Ганновер-сквер, Билсбури, – коротко проинструктировал он кучера, поднялся в герцогскую карету и расслабленно откинулся на роскошных подушках. За ним тут же захлопнули дверцу, и экипаж резво покотил в темноту ночи.

Если какая женщина и стояла потери столь баснословного выигрыша, то, безусловно, та, к которой он сейчас торо-

пился.

Мисс Элеонора – Элли – Розвуд нервно вышагивала по обширному холлу дома на Ганновер-сквер, ожидая ответной реакции на письмо, которое она отослала в начале вечера. Наконец она услышала топот копыт по булыжной мостовой, затем короткое бормотание. Она надеялась, что ничем не выдает снедавшего ее беспокойства. В холл вышел дворецкий Стенхоуп и распахнул дверь, впуская красавца герцога Ройстона, который властной поступью стремительно вошел в дом, принеся с собой вечерний прохладный воздух.

И как всегда, при виде этого сильного и импозантного джентльмена Элли тут же лишилась дара речи.

Джастин Сен-Джаст был очень высок, статен, на пару дюймов выше шести футов, с золотистыми волосами, уложенными в небрежную прическу по последней моде. Резкие аристократичные черты, ярко-синие глаза, высокие скулы, длинный нос, красиво вылепленные губы, квадратная решительная челюсть. Элегантный плащ, черный сюртук и белоснежная льняная рубашка выгодно подчеркивали широкие плечи и узкую талию, панталоны из буйволовой кожи с черными гессенскими сапогами обтягивали длинные мускулистые ноги, словно вторая кожа. Без сомнения, самый красивый джентльмен, какого Элли только видела в своей жизни.

– Ну? – поинтересовался он, срывая с себя шляпу и плащ и вручая их Стенхоупу. Затем пересек холл и приблизился к

Элли, стоявшей у подножия широкой изогнутой лестницы.

«А еще самый высокомерный», – подумалось Элли. Она набрала в грудь воздуха.

– Я послала вам записку с просьбой прийти...

– Что и явилось причиной моего здесь присутствия, – прервал он ее.

«И самый нетерпеливый!»

– Я ожидала вас несколько раньше.

Герцог застыл на месте.

– Неужели я слышу в вашем тоне упрек?

Под обманчивой мягкостью тона прятались стальные нотки, у Элли вспыхнули щеки.

– Я... нет...

Он расслабил плечи.

– Рад слышать.

Элли решительно вздернула подбородок.

– А вот ваша бабушка, я думаю, ожидала от вас более скорого визита, ваша светлость.

Старая леди, с тех пор, как поручила Элли, своей компаньонке, отправить записку, каждые пятнадцать минут интересовалась, нет ли новостей от внука. И появление герцога спустя столько часов было, мягко говоря, несколько запоздалым.

– Я приехал сразу, как только получил записку.

Элли подняла брови.

– Неужели?

Джастин смотрел на нее так, словно впервые видел, впрочем, так оно и было. Герцоги никогда не обращают внимания на компаньонку пожилых леди! Его прищурившиеся глаза вспыхнули синевой, надменный взгляд скользнул по стройной фигурке в простом коричневом платье, оглядел от рыжих волос до самых туфель и вновь вернулся к вспыхнувшему лицу.

– Мы с вами, кажется, какие-то дальние родственники?

Это было не совсем так. Около десяти лет назад ее овдовевшая мать вышла замуж за кузена герцога. Элли в ту пору было девять лет. Однако потом произошел трагический случай, мать и отчим погибли в перевернувшейся карете, и это низвело ее родственные отношения с герцогом до незначительных. И если бы не доброта бабушки, которая взяла ее к себе в компаньонки, Элли вряд ли бы еще, хоть раз в жизни увидела кого-то из семьи Сен-Джаст.

– Весьма отдаленные, ваша светлость, – сипловато ответила она.

Герцог поднял бровь. Его волосы золотились в сиянии свечей, а глаза скрывались за тяжелыми веками, не позволяя прочесть выражение.

– Дорогая кузина Элеонора, – насмешливо откликнулся он. – Дело в том, что, когда доставили вашу записку, меня не было дома, и моему слуге понадобилось какое-то время, чтобы определить, где я нахожусь.

Джастин не понимал, зачем оправдывается перед этой де-

вушкой. Она всего лишь дальняя родственница, даже не по крови. Он не мог припомнить, чтобы вообще хоть раз разговаривал с ней. Хотя, разумеется, замечал, пусть скучающий циник, тем не менее он же мужчина!

Ее волнистые волосы отливали интересным оттенком рыжины, несмотря на все попытки их обладательницы приглушить впечатление строгостью стиля. Потрясающе ясные зеленые глаза в обрамлении густых темных ресниц, россыпь веснушек на сливочно-бледных скулах, дерзко вздернутый носик, губы... Ах, эти губы! Полные, четко очерченные, естественного цвета созревшей земляники. Мужчине ничего не стоит вообразить им куда лучшее применение, чем разговор или поглощение пищи!

Она совсем миниатюрная, и по росту, и по фигуре, однако стройную талию и бедра выгодно оттеняли полные груди, выступающие в вырезе простенького коричневого платья. Маленькие изящные ручки. Красивые кисти. Тонкие длинные пальцы в кружевных перчатках.

Джастин хорошо помнил, как бабушка сразу прибрала к рукам этого осиротевшего птенчика, пригласив к себе компаньонкой. Эдит Сен-Джаст нравилось производить впечатление надменной и высокомерной леди, но близкие отлично знали, что за этой раковиной прячется доброе и отзывчивое сердце.

– Ваша записка подразумевала срочное дело? – многозначительно протянул Джастин.

– Да. – Ее бледные щеки порозовели. Я... К вдовствующей герцогине сегодня вызвали доктора.

– Доктора? – резко перепросил герцог. – Бабушка больна?

– Не думаю, что она стала бы звать врача в ином случае, ваша светлость.

Джастин с подозрением прищурился. Она что, смеет его дразнить? Но зеленые глаза смотрели прямым и ясным взглядом, без единого намека на эмоции, которые он тщетно пытался в них отыскать. Однако это не означало, что их не было, они хорошо замаскировались за раздражающе холодным фасадом.

– В чем же причина болезни? – холодно поинтересовался он.

Она пожала плечами:

– Ваша бабушка меня в это не посвящала, сэръ.

Джастин с трудом обуздал нетерпение.

– Но вы наверняка слышали ее разговор с врачом. Хотя бы частично.

Она опустила глаза под его пронизывающим взглядом.

– Меня не было в комнате в это время.

– Могу я поинтересоваться, какого дьявола вас там не было?

Его богохульство шокировало Элли, но она только взмахнула длинными ресницами.

– Она попросила меня принести ее шаль из малой гостиной. А когда я вернулась, доктор Франклин уже уходил.

Нетерпение Джастина все усиливалось.

– И тогда, как я понимаю, бабушка приказала послать за мной?

Элли кивнула:

– Она еще просила, чтобы вы сразу же, как придете, поднялись к ней в спальню.

А об этой просьбе ему явно забыли сообщить. Возможно, ее отвлекло его прибытие? Такая возможность его заинтриговала и позабавила.

Джастин кивнул:

– В таком случае я сейчас же к ней поднимусь. Вы не могли бы передать, чтобы к моему возвращению в библиотеку принесли бренди?

– Конечно. – Элли с облегчением ухватила за возможность сделать что-то полезное. Всепоглощающая мужественность Джастина разом лишила ее привычной спокойной деловитости. – Хотите, чтобы я вас проводила?

Герцог резко остановился на второй же ступеньке лестницы, обернулся и пронзил ее взглядом.

– Мне отлично известно, где находится спальня бабушки, но, если желаете, можете подняться со мной и убедиться, что я не сбегу с фамильным серебром.

– Но ведь это «фамильное серебро» уже принадлежит вам, разве нет? – Элли понадобилось изрядное самообладание, чтобы не отреагировать на эту колкость.

– Принадлежит. Неужели дражайшая кузина боится, что

я заблужусь в собственном доме?

Элли отлично знала, что это его дом. Как и все, что связано с герцогством Ройстон.

– Наверное, мне лучше поискать Стенхоупа и распорядиться, чтобы в библиотеку принесли графин бренди.

У Элли загорелись щеки при одной мысли, что она может сопровождать герцога наверх. Она знала, что румянец совсем не идет к ее волосам.

– И два бокала, – добавил герцог.

Элли удивленно подняла брови:

– Вы ожидаете гостей?

Тот факт, что герцога трудно было сегодня отыскать, наверное, намекал на иные занятия, и, скорее всего, не слишком благопристойные. Даже если и так, Элли не представляла, чтобы он пригласил в дом кого-то из своих, мягко говоря, сомнительных друзей. Особенно в компании леди.

– Нет, я ожидаю, что ко мне присоединитесь вы, – со вздохом пояснил герцог.

Элли распахнула глаза:

– Я?

Джастин чуть не рассмеялся при виде ее ошеломления. Вполне естественная реакция, учитывая, что это их самый долгий разговор за все время.

К своему удивлению, он обнаружил, что ее неискренность его забавляет, обычно его очень редко что-то забавляло.

Его детство прошло в загородном поместье, после чего в десятилетнем возрасте его отправили в школу. Окончив ее, он почти не виделся с родителями, а во время редких встреч чувствовал себя исключенным из той глубокой любви, что они питали друг к другу. Причем до такой степени, что это повлияло на его собственное отношение к браку. Он признавал, что должен жениться, дабы произвести на свет наследника герцогства, но его собственное одинокое взросление приводило к мысли, что брак должен состояться по расчету. Такой союз не вытолкнет детей из семьи, как в свое время вытолкнули его.

За три года герцогства он ни в чем не знал отказа, и, естественно, ни от одной женщины, к которой выказывал хоть малейший интерес, не говоря уже о тех, к кому такового не выказывал, например, чужих жен или дочерей одержимых браком мамаш.

Будучи компаньонкой бабушки, Элеонора Розвуд, разумеется, к ним не относилась. Их призрачное родство никогда бы не позволило им стать на одну ступень в обществе. И одновременно именно данное обстоятельство не позволяло рассматривать ее потенциальной любовницей. Печально, но факт.

– Ваша светлость?

Джастин нахмурился, раздраженный настойчивым употреблением его титула.

– Мне кажется, мы установили, что являемся своего рода

кузенами, а значит, должны обращаться друг к другу «кузина Элеонора» и «кузен Джастин».

Элли в ужасе распахнула глаза, едва подумав о подобной фамильярности с таким распутным красавцем. Джастин Сен-Джаст, двенадцатый герцог Ройстон всегда держался весьма напыщенно и надменно, смотрел на всех и вся свысока, Элли никогда не рассматривала его как кузена, не говоря уже о том, чтобы так его называть.

– Полагаю, вы, возможно, и говорили что-то в этом роде, ваша светлость, – упрямо твердила она.

Он выгнул светлую бровь, в его глазах внезапно блеснуло веселье.

– Но вы не согласны?

– Нет, ваша светлость.

Он посмотрел на нее с внезапным разочарованием.

– Думаю, мы должны обсудить эту тему, когда я вернусь от бабушки.

Элли напряглась:

– Я... да, наверное.

Джастин нахмурился.

– То есть вы опять не согласны?

Элли считала подобный разговор пустой тратой времени. Какой смысл спорить о том, как называть друг друга? Да им такая возможность еще год не представится, учитывая, что за прошлый они поговорили в общей сложности едва ли пару минут!

– Уже очень поздно, ваша светлость, и вдовствующей герцогине наверняка не терпится с вами поговорить, – мягко, но настойчиво напомнила она.

– Разумеется. – Он явно сердился на себя, что отвлекся на разговор. – Надеюсь, по возвращении я найду в библиотеке графин бренди, два бокала и вас, – безапелляционно добавил он и снова стал подниматься по лестнице.

«Как будто он считает меня какой-то собакой, которую можно дернуть за поводок, – с негодованием подумала Элли. – Или лошадю, которую дергают за уздцы».

Глава 3

Ройстон, должна сказать, тебе потребовалось немало времени, чтобы добраться сюда.

Как и большинство мужчин, Джастин испытывал при посещении больных определенную неловкость, особенно сейчас, когда навещал не кого-нибудь, а бабушку, к которой всегда относился с огромным уважением и нежностью.

Бледность лица подчеркивала все линии и морщинки, и герцогиня сейчас выглядела на все свои почти семьдесят. Она полулежала на белых кружевных подушках на огромной кровати с балдахином. Не слишком утешительная картина, несмотря на по-прежнему идеально уложенные темно-серебристые волосы и, как всегда, горделиво-властное выражение лица.

Сен-Джасты обретали особую силу духа, если случалось какое-нибудь несчастье. Джастин знал это даже слишком хорошо, его дед долго боролся с изнурительной болезнью. И хотя бабушка Сен-Джаст только по мужу, но силы воли и ей не занимать.

Джастин стремительно пересек комнату и замер у кровати.

– Прости за опоздание, бабушка. Меня не было дома, когда принесли послание кухни Элеоноры.

– Такой проблемы бы не было, если бы ты жил здесь, –

ворчливо отозвалась та.

– Мы уже это обсуждали. Это твой дом, не мой.

– Ты герцог Ройстон, не так ли?

Джастин вздохнул:

– Да, разумеется, за все мои прегрешения.

Эдит с неодобрением посмотрела на него:

– Без сомнения, если бы ты жил здесь со мной, это могло бы помешать твоим игорным делам или распутным похождениям, а может, и тому и другому! Какое непотребство задержало тебя сегодня? – с отвращением фыркнула она, но не смогла скрыть вспыхнувшие в глазах искорки.

Джастин сохранял нейтральное выражение, не желая злить бабушку еще больше. Он не хотел жить в Ройстон-Хаус не столько из-за боязни, что она может пресечь его «игорные дела и распутные похождения», сколько потому, что дом ассоциировался у него с постоянным отсутствием родителей в то время, когда он был ребенком, и с последующим одиночеством. Поэтому он предпочитал оставаться в апартаментах, которые занимал до смерти отца.

– Я считаю, это неподходящая тема для внука и престарелой бабушки.

– Почему это мы не должны обсуждать такую тему? Только не говори мне о старости. – Она посмотрела на него с вызовом. – Думаешь, я настолько дряхлая, что не знаю, как развлекаются в обществе молодые холостые джентльмены? И женатые тоже!

– Думаю, молодым меня можно назвать разве что по возрасту, – с сожалением протянул он. Три года герцогства и сопутствующие тягостные обязанности привели к тому, что Джастин в своих развлечениях значительно стал более осмотрителен, одновременно почти не имея времени на личную жизнь.

Возможно, пришло время всерьез подумать над тем, чтобы подыскать себе постоянную любовницу, тихую услужливую женщину, которая с радостью удовлетворяла бы все его нужды в любое время суток и не требовала ничего, кроме содержания и, разумеется, дома, в котором она будет жить. Эту мысль стоит обдумать. Но не сейчас.

– Я приехал не ради обсуждения моего времяпровождения, а из-за твоего пошатнувшегося здоровья. – Он ловко сменил тему. – Кузина Элеонора сообщила, что ты сегодня посылала за доктором Франклином. Что случилось?

– Могу я спросить, почему ты вдруг решил называть Элли своей кузиной? – Эдит величественно вскинула седые брови.

– Элли?

– Мисс Элеонора Розвуд, падчерица твоего кузена Фредерика, – нетерпеливо пояснила она.

– Едва ли я могу звать ее Элли, это чересчур фамильярно. – Джастин раздраженно глянул на бабушку. – Кстати, это имя вообще мне не по душе, учитывая, что, по всей видимости, мать наградила ее очень элегантно именем Элеонора. А «мисс Розвуд» – слишком формально ввиду ее родства с

нашей семьей.

– Согласна. – Бабушка высокомерно кивнула. – И именно Элли – Элеонору – я хочу с тобой обсудить.

Джастин даже не пытался скрыть свое изумление.

– Ты хочешь сказать, что отыскивала меня по клубам с усердием своры гончих, почуявших лису.

– Джастин, не разыгрывай мелодраму. – Эдит наградила его раздраженным взглядом.

Он поднял брови.

– Записка была такой безотлагательной важности, что мой лакей тут же послал слугу разыскивать меня по всем клубам. Будешь это отрицать?

– Я действительно приказала отправить тебе ее, но это было еще ранним вечером, – резко возразила бабушка. – И я не могу отвечать за твоего лакея, который наказал слуге столь упорно тебя отыскивать.

Джастин снова мрачно нахмурился.

– Но ты же не отрицаешь, что послала мне записку просто для того, чтобы обсудить со мной твою юную компаньонку?

Вдовствующая герцогиня укоризненно на него взглянула.

– Здесь все не так просто, мой дорогой внук. В последнее время я все чаще думаю об Элли и ее будущем. А сегодня так плохо себя чувствую, и того больше... Джастин, не мог бы ты перестать бродить по комнате и сесть возле меня в это кресло? У меня начинает болеть голова, когда ты носишься туда-сюда. – Она болезненно вздрогнула.

Из ее речи Джастина интересовала лишь одна часть.

– В чем выражается твое нездоровье? – встревоженно спросил он, опускаясь в кресло, и сразу же беря в ладони ее хрупкую, изящную руку.

Эдит утомленно вздохнула.

– Я так ослабла в последнее время, чувствую такую усталость. Это заставило меня понять... я осознала, что не стоило пускать все на самотек и откладывать дела в долгий ящик. Надо прилагать больше усилий, чтобы уладить дела до сего времени. – Она снова вздохнула, на этот раз более жалобно.

Джастин мрачно нахмурился.

– Бабушка, если это очередной способ поговорить о необходимости моей женитьбы...

– Да как ты смеешь, тщеславный самонадеянный мальчишка! – Вдовствующая герцогиня гневно приподнялась на постели и бросила на него уничтожающий взгляд. – Вопреки тому, что ты думаешь, я не размышляю с утра до вечера, как бы заманить в брачные узы своего упрямого внука!

На этом она взяла себя в руки и с болезненным вздохом снова откинулась на подушки.

Джастин покаянно покачал головой, слушая ее вполне обоснованные претензии. Немногие смели безнаказанно разговаривать с ним в таком тоне! О, он не сомневался, что в обществе его тоже называют «высокомерно надменным» или «презрительно ледяным», иногда даже «грубым и властным», правда, исключительно за глаза. Никто не посмел бы

высказать ему подобные слова в лицо. «Во всяком случае, в трезвом состоянии», – саркастически подумал Джастин, вспоминая, как оскорбительно вел себя сегодня Личфилд. Со стороны графа это очень опрометчиво и опасно, учитывая, что Джастин слыл одним из лучших фехтовальщиков Англии, а еще великолепным стрелком. В трезвом виде никому не пришло бы в голову бросаться такими словами, это означало получить вызов и гарантированно пасть на последующей дуэли.

– Рад это слышать, – протянул он в ответ на бабушкину отповедь. – В таком случае умоляю, поясни, что это за дела, которые тебе необходимо уладить?

– Будущее Элеоноры, разумеется. – Она осторожно посмотрела на него, теребя длинными пальцами превосходного качества простыни. – Элли еще очень юная, и у нее нет других родственников, кроме нас. Мне невыносимо думать, что с ней будет, когда меня не станет.

Джастин напрягся.

– Когда тебя не станет? Есть вероятность, что в ближайшем будущем может такое случиться? – резко переспросил он, чувствуя, как слегка дрожат в руке бабушкины пальцы.

Из-за того, что исключительная и всепоглощающая любовь родителей не позволяла им лично растить единственного ребенка, воспитанием Джастина занимались родители его отца Джордж и Эдит Сен-Джаст. Они постоянно участвовали в его жизни, с ними он проводил все школьные каникулы,

праздновал Рождество и дни рождения.

– Доктор Франклин выразил мнение, что я просто составила.

– Какие глупости! – рявкнул Джастин и подался вперед, напряженно вглядываясь в необычно бледное лицо бабушки. – Он ошибается. Всего пару дней назад ты ходила на чай к своим старинным подругам, а не далее как вчера присутствовала на балу у леди Хантсли.

И в результате сегодня мне даже не под силу подняться с постели.

– Ты просто немного перенапряглась, вот и все, – продолжал настаивать он.

– Джастин, ты уже не ребенок. И я, к сожалению, тоже. – Бабушка снова тяжело вздохнула. – Но не могу не отметить, что буду рада вновь увидеть твоего деда.

– Я не стану больше выслушивать эту ерунду! – Джастин выпустил ее руку, вскочил и с высоты своего роста наградил ее негодующим взглядом. – И сам поговорю с доктором Франклином.

– Что ж, поговори, если тебе это необходимо, но запугивание доктора не сделает меня моложе, – мягко произнесла Эдит.

Джастин резко втянул в себя воздух, признавая ее правоту.

– А если я пересмотрю свое решение не жениться в ближайшем будущем, тебя это хоть немного взбодрит? Придаст

НОВЫХ СИЛ?

– Это очень великодушно с твоей стороны, Ройстон. – Она одарила его такой нежной и понимающей улыбкой, что его сердце наполнилось страхом, какого он еще никогда не испытывал, даже притом, что она давно носилась с мыслью женить его как можно скорее. – Но, к сожалению, исход, боюсь, будет прежним.

– Я просто не могу этого принять!

– Придется, Джастин, – мягко упрекнула бабушка. – Мне приятно, что ты так за меня переживаешь, но жизнь есть жизнь, и я не могу существовать вечно. Естественно, мне бы хотелось, чтобы у тебя уже была своя семья, когда наступит мой час, но я пойму, если этого не случится.

– Я ведь уже сказал, подумаю над вопросом брака, если тебя это порадует.

Он сильно нахмурился.

– Ты можешь, и, вне всякого сомнения, поступишь так, как велят твои желания. В данный момент меня больше интересует моя милая компаньонка. Я хочу твердо знать, что будущее Элли – Элеоноры – в безопасности, прежде чем покину этот мир.

– Я бы предпочел, чтобы ты больше не произносила этих слов в моем присутствии. – Джастин вновь беспокойно заходил по комнате, слишком возбужденный, чтобы стоять или сидеть.

– Можно не говорить, но суть не изменится, дорогой

внук, – напомнила Эдит.

Джастин понимал, но одна мысль, что бабушки, той самой бабушки, что часто его журила или даже строго поругивала за тот или иной проступок, больше не будет, казалась ему невыносимой. Ей только шестьдесят восемь лет, и он почти не задумывался, что она может умереть. Женщина жесткой и несгибаемой воли, Эдит Сен-Джаст всегда была для него опорой, незыблемым патриархом, правящей железной рукой.

– Теперь мы можем, наконец, обсудить будущее Элеоноры? – непривычно кротко заговорила Эдит.

Последнее, что хотелось сейчас обсуждать Джастину, – будущее Элеоноры Розвуд, но ему хватило одного взгляда на лицо бабушки, чтобы придержать возражения. В глаза снова бросились ее бледность и темные тени под глазами. Он воздержался от резкого ответа и снова присел у ее постели.

– Что ж, хорошо. Если ты настаиваешь, давай поговорим о будущем кузины Элеоноры.

Бабушка кивнула:

– Мое самое горячее желание – знать, что она благополучно замужем, когда я буду покида... уходить.

Тот поднял брови.

– Такое впечатление, что ты желаешь этого всем своим близким. От всего сердца рад узнать, что на сей раз ты нацелилась не на меня.

– Не остроумничай, Ройстон! – нахмурилась она. – Как

я уже говорила, в отношении своей женитьбы можешь действовать как угодно, но для Элли в ее положении брак – единственный шанс.

Он насмешливо вскинул брови.

– И у тебя уже есть кто-нибудь для нее на примете? Или, вернее, есть ли кто-нибудь на примете у кузины Элеоноры?

Бабушка вздохнула:

– В последний год она столько занималась моими делами, что едва ли успела хоть раз об этом задуматься.

– Значит...

– Однако это не означает, что ей не следовало задуматься. – Эдит замолчала и нахмурилась. – Или что, я не должна настаивать, чтобы она этим занялась, пока не вышел ее брачный возраст?

– И сколько же лет кузине Элеоноре?

Джастин скептически посмотрел на бабушку, вспоминая дышащее свежестью лицо девушки и полное отсутствие морщин.

– Недавно исполнилось двадцать.

– Ну, совсем древняя старуха! – насмешливо протянул он.

– Джастин, я серьезно. У бедной девушки, оставшейся в полном одиночестве, выбор невелик. Уверена, ты хорошо об этом осведомлен. – Бабушка изогнула бровь.

Да, ему известно, какая судьба частенько постигает благородных, но обедневших девушек, особенно с красотой и обстоятельствами мисс Элеоноры Розвуд, которая не принад-

лежала ни к светскому обществу, ни к рабочему классу.

– И что же ты хочешь при этом от меня? Выделить ей небольшое приданое и тем подманить какого-нибудь нуждающегося священника? – саркастически предположил он.

– Да, приданое было бы неплохим началом, – серьезно ответила бабушка и медленно кивнула. – Господи боже, состояние Ройстонов столь велико, что ты даже не заметишь потери! Только зачем Элеоноре какой-то обедневший священник? Уверена, среди твоих знакомых наверняка найдется парочка титулованных джентльменов, которые с радостью закроют глаза на недостатки происхождения и возьмут в жены девушку с небольшим личным состоянием, к тому же дальнюю родственницу могущественного герцога Ройстона.

Предлагая выделить приданое Элеоноре, Джастин собирался только поддразнить бабушку, но, судя по ее серьезно-му лицу, она вовсе не шутила.

– Правильно ли я понял, ты хочешь, чтобы я сначала выделил твоей компаньонке солидное приданое, а затем обеспечил ей достойного, желательно титулованного мужа из числа моих знакомых? – Это выглядело не только нелепо, но даже сродни кровосмешению, учитывая, что Джастин еще несколько минут назад думал о ней как о родственнице!

– Вряд ли ты подойдешь к этому вопросу настолько черство, Ройстон, – нетерпеливо взглянула на него Эдит. – Я очень привязана к этой девушке и не хотела бы видеть ее замужем за человеком, который ей не понравится или которому не

понравится она.

Джастин поднял брови.

– То есть ты хочешь, чтобы я сыграл роль свахи, несмотря на «недостатки ее происхождения», как ты тактично выразилась.

– Устроенный брак не исключает любви, – резко отозвалась Эдит. – Мы с твоим дедушкой очень любили друг друга. Как любят друг друга твои родители.

Верно. Однако именно данный пример заставлял Джастина с таким подозрением относиться к браку, непереносима была сама мысль о столь глубокой, сильной любви к женщине в ущерб собственному ребенку.

Он подавил дрожь.

– Мне кажется, ты слишком многого хочешь: чтобы Эленора, с ее происхождением, заключила выгодный брак, да еще и обрела большую любовь.

– Мы этого никогда не узнаем, пока ты не попробуешь ей помочь, – настаивала бабушка.

Он удрученно покачал головой.

– И что ты предлагаешь?

– Как ближайший родственник Элли, да, я знаю, скажешь, что формально вы вообще не родственники, но ты мог бы сводить ее на одно-два музыкальных суаре и представить своим достойным, но финансово нуждающимся знакомым.

– Я не... ты хочешь, чтобы я посещал музыкальные суаре?!

Джастин недоверчиво уставился на бабушку и снова поднялся. Он уже совершенно не понимал, чего ожидать, и чувствовал себя игрушкой, которая выскакивает из коробочки, стоит только поднять крышку, была у него такая в детстве.

– Похоже, недомогание затуманило тебе разум! – Он потряс головой. Я не имею привычки ходить по суаре и балам, не говоря уже о том, чтобы сбывать с рук кузин ничего не подозревающим джентльменам!

– Но ты можешь сделать исключение, принимая во внимание особые обстоятельства, – с вызовом парировала бабушка.

– Конечно, могу. Но...

– Это бы меня чрезвычайно порадовало, Джастин. – Она снова откинулась на постели.

Тот вдруг с подозрением прищурился, глядя на ее маленькую и вроде бы хрупкую фигурку. Среди белоснежных подушек она казалась такой уязвимой и незащищенной.

– Я думал, тебя беспокоит только счастье кузины и ничего больше.

– Так и есть. – В глазах Эдит мелькнуло раздражение от его пронизательности. – И по-моему, лучший способ его обеспечить – публично представить Элли твоей любимой кузиной.

– Любимой кузиной столь низкого социального статуса она уже была при тебе в прошлом году, – сухо напомнил Джастин.

– Сомневаюсь, чтобы кто-то в обществе провел параллель между той робкой юной леди и мисс Элеонорой Розвуд, красивой и элегантной кузиной герцога Ройстона.

Джастин не верил в правдивость сего утверждения применительно к джентльменам. Во всяком случае, от него самого, безусловно, не ускользнула сдержанная красота кузины.

– Да даже если и проведет, – твердо продолжала Эдит, – никто не посмеет оскорбить Элли ни словом, ни взглядом, пока она будет под твоей защитой.

Здесь Джастин действительно с ней согласился. Но какова будет цена? Не слишком ли много от него требуют, заставляя посещать завершающие сезон скучные балы и званые ужины? Правда, бабушка, похоже, так не считала.

– Через четыре дня я, как всегда, устраиваю бал в Ройстон-Хаус, а ты всегда любезно принимал приглашения, – напомнила она.

– Полагаю, если ты слаба, бал придется отменить, – схитрил Джастин.

– Ни за что, пока я жива! – властно оборвала вдовствующая герцогиня. – Бал Ройстонов ни разу не отменялся за прошедшие сто лет, и этот год не станет исключением, даже если мне придется весь вечер просидеть в инвалидном кресле, – решительно заключила она.

– Значит, ты серьезно собираешься ввести Элеонору в общество на этом балу?

Она надменно вскинула голову.

– Она – гостья моего дома и будет присутствовать в этом качестве.

– И ты хочешь, чтобы я весь вечер ее сопровождал?

– Как опекун. Это было бы идеально, поскольку ты самый близкий для нее родственник-мужчина. – Бабушка живо закивала. – Кроме того, для Элли это прекрасная возможность познакомиться со светским обществом, а светскому обществу с ней.

Джастин испытывал неприятное чувство, что в этом разговоре им не просто манипулируют, а откровенно подталкивают в нужном направлении. Обычно он такого не позволял, но бабушке как-то все равно удавалось.

– Есть еще один вопрос, где мне требуется помощь, мой мальчик.

Джастин с большой опаской посмотрел на грозную старую даму:

– Какой вопрос?

– Я думаю, прежде чем Элли выйдет замуж, желательно выяснить, кто ее настоящий отец.

Джастин был потрясен.

– Настоящий отец? Значит, это не мистер Розвуд?

– Едва ли, ибо сей джентльмен уже год как умер к моменту рождения Элли. – Эдит скорчила гримасу.

Ситуация становилась все более сюрреалистичной. И он в ней вопреки собственному желанию.

– Элеонора знает?

Бабушка негодуяще фыркнула:

– Конечно нет. Только я знаю правду: после того, как этот идиот Фредерик поддался импульсу и сбежал с ее матерью в Гретна-Грин, я провела расследование насчет ее прошлого.

– Так, значит, моя кухня и подопечная не только без гроша в кармане, но еще и бастард.

– Ройстон!

Джастин издал громкий стон.

– А если я обнаружу, что ее настоящий отец какой-нибудь жуликоватый негодяй, которому самое место в сточной канаве?

Бабушка властно вскинула брови.

– Тогда ты сделаешь все, что в твоих силах, чтобы никто никогда этого не узнал.

– Интересно, как?

– Я совершенно уверена, ты найдешь способ, Ройстон, – улыбнулась она.

Однако в данном случае Джастин не разделял ее веры в его способности.

Сидя в библиотеке в ожидании герцога, Элли никак не могла взять себя в руки. Стенхоуп принес поднос с графином бренди и двумя бокалами и разжег камин, но даже тепло огня не могло прогнать нервный холодок, пробиравший до костей.

Элли уже год жила в доме вдовствующей герцогини, и ей

хватило бы пальцев одной руки, чтобы пересчитать слова, которыми она за это время обменялась с напыщенным герцогом Ройстоном. И он никогда не снисходил до того, чтобы называть ее по имени. До этого вечера.

Нельзя сказать, что Элли совсем ничего о нем не знала. Его полное имя Джастин Джордж Роберт Сен-Джаст, двенадцатый герцог Ройстон плюс длинный список титулов, которые сейчас выскочили у нее из головы. Он на девять лет ее старше и значительно опытней. А еще синеглазый и золотоволосый Джастин весь прошлый год присутствовал в ее романтических фантазиях во сне и наяву до такой степени, что она почти убедила себя, что влюблена в него. От этого ожидание еще сильнее действовало на нервы. Не дай бог, она хоть чем-то выдаст свои чувственные фантазии, которые сочиняла о сильном и красивом герцоге! Фантазии, от которых горели щеки, когда она воображала, что Джастин отвечает на ее чувства. Как его точеные губы ее целуют, длинные изящные руки ласкают ее спину, обхватывают напряженные от страсти груди.

– Кажется, вы задумались о чем-то приятном, кузина Элеонора?

Элли виновато вздрогнула, торопливо вскочила с кресла и посмотрела на мужчину, чьи губы и руки только что интимно прикасались к ней в ее воображении.

Джастина не интересовало, отчего на покрасневшемся личике мисс Элеоноры Розвуд появилось опасливое выраже-

ние. И заметная виноватость. Он понятия не имел, в чем она себя винила, его это мало волновало.

– А возможно, и нет, – протянул он, шагнув в комнату и закрыв за собой дверь, и направился к графину с бренди.

– Надеюсь, вдовствующей герцогине лучше?

Прежде чем отпустить Джастина, бабушка вытянула из него несколько обещаний, в том числе не говорить о ее здоровье, так что не стоило обсуждать визит доброго доктора Франклина. Джастин и сам бы с удовольствием перекинулся с ним парой слов, но бабушка настаивала, что никто не должен знать о причине ее слабости – ни компаньонка, ни старинные подруги.

Он придал своему лицу выражение удивления.

– Она заверила, что чувствует себя достаточно хорошо, чтобы вести ежегодный бал Ройстонов, который состоится через четыре дня, – уклончиво сообщил он и повернулся, держа в руках два полных бокала.

Девушка стояла у пылающего камина, ее лицо покрывала утонченная бледность.

Он подошел и протянул ей бокал, но она и не подумала его взять.

– Я не пью бренди, ваша светлость.

– Что-то мне подсказывает: сегодня стоит сделать исключение, – сухо произнес он.

Она взмахнула длинными шелковистыми ресницами.

– Стоит?

– О да, – рассеянно подтвердил он и сунул бокал ей в руку.

И восхищенно заметил, что мерцающий огонь превращает ее волосы в золотистые языки пламени. Изумительные прекраснейшие волосы, таившие в себе мириады оттенков, от темно-рыжего до золотого. Ее глаза сияли ярко-зеленым цветом, как прекрасные изумруды в обрамлении самых длинных ресниц, какие Джастину когда-либо доводилось видеть. Сливочно-белые щечки и носик покрывала забавная россыпь веснушек. Он внезапно ощутил непреодолимое желание целовать их все вместе и каждую по отдельности. Однако он решительно пресек эти неуместные мысли и сжал губы.

– Бабушка хочет, чтобы вы... помогли ей в том, что касается бала, – произнес он.

Она облизнула розовым язычком полные губы, и Джастин невольно вздрогнул, чувствуя себя не в своей тарелке.

– Едва ли я смогу пригодиться в подготовке столь грандиозного события, но, разумеется, готова помочь всем, что в моих силах.

Джастин с удивлением на нее взглянул.

– Вы неверно меня поняли, кузина Элеонора. Под помощью имеется в виду ваше присутствие на балу Ройстонов.

Она кивнула.

– Я же сказала, что буду только счастлива помочь вдовствующей герцогине...

– Присутствуя в качестве гостя... осторожно! – восклик-

нул он, когда бокал с бренди чуть не выскользнул из ее пальцев.

Элли покрепче обхватила широкий бокал и недоверчиво уставилась на герцога. Не мог же он всерьез предлагать ей появиться на балу среди всех этих аристократов?

Однако он смотрел на нее столь неумолимо и высокомерно, что, похоже, именно это и имел в виду.

Глава 4

– Возможно, сейчас вы найдете глоток бренди целебным.

Элли была в таком ошеломлении, что послушно глотнула и тут же поперхнулась: жгучая жидкость обожгла горло. Джастин быстро разрешил проблему, хлопнув подопечную по спине.

И кажется, даже сильнее необходимого.

Элли потрясла головой и выпрямилась. На глазах у нее выступили слезы, внутри пылал огонь, щеки горели.

– Не представляю, о чем думает ее светлость, – хрипловато выговорила она. Я не могу быть гостьей на балу Ройстонов.

– Моя бабушка иного мнения.

«И это уже окончательно», – изумленно поняла Элли.

– А что вы думаете об этом, ваша светлость? – спросила она, уверенная, что сам он не одобряет подобных планов.

Герцог пожал плечами:

– Для меня не спорить с бабушкой – дело принципа.

Элли знала, что это неправда от начала и до конца, если бы Джастин без споров слушался бабушку, давно бы уже был женат, а в детской было полно наследников! Эдит Сен-Джаст никогда не скрывала желания, чтобы внук обзавелся женой, а затем и детьми, от чего он успешно уклонялся как минимум весь прошлый год.

Она взглянула из-под ресниц, пытаясь оценить его реакцию по поводу неожиданного решения вдовствующей герцогини. Бесплодная попытка, ибо безразличное лицо Джастина ничем не выдавало его мыслей. Правда, в какой-то момент Элли показалось, что в глубине глаз плещется насмешливое веселье. Наверняка на ее счет. Это вызвало раздражение.

Она не была дурочкой, пусть она и мнила, что почти влюбилась в герцога, тем не менее она помнила: он высокомерен, язвителен, циничен, а сейчас еще и смеется над ней.

Элли судорожно вздохнула и попыталась взять себя в руки.

– Я, безусловно, объясню ее светлости, что не смогу принять это приглашение. Завтра же утром объясню.

– Желаю вам всяческого успеха. – На этот раз она уже безошибочно заметила веселье в этих обманчиво безразличных глазах под тяжелыми веками.

– Неужели вы считаете, что мне на этом балу самое место?

– Убеждайте в этом не меня, – напомнил герцог, и Элли сердито подумала, что он сказал это почти весело. – Если бабушка что-то задумала, переубедить ее удастся крайне редко.

Так и есть: прожив целый год под одной крышей со старой леди, Элли могла в этом убедиться, однако попытаться все равно стоило. К вдовствующей герцогине всегда приглашались только самые сливки общества, будь то бал Ройстонов или званый ужин, и Элли хорошо понимала, насколько она

далека от этих людей. Ее родители принадлежали к самым низам аристократии, отец был всего лишь младшим сыном барона. Что касается матери, она и вовсе дочь деревенского сквайра, вошла в светское общество, выйдя замуж за отца Элли. А затем поднялась еще, выйдя замуж вторично за сына лорда, племянника вдовствующей герцогини. Но даже в этом случае положение Элли было очень и очень шатким.

– Учтите, – продолжал герцог, – если бабушка решила, что вас необходимо представить обществу, будьте уверены, общество не посмеет с ней спорить.

– Даже вы? – вырвалось у Элли, и она тут же вспыхнула от собственной дерзости.

Джастин нахмурился уже не первой ее попытке уточнить его мнение по сему вопросу. Притом что он толком не знал, что об этом думать.

В первый момент он отверг идею ввести девушку в светское общество, но, поразмыслив, осознал: не так уж это недопустимо, как ему показалось. Бабушкино решение найти Элеоноре подходящего мужа и тем самым обезопасить ее будущее хотя и доставляло значительное неудобство, но было очень разумно. Особенно если Джастин действительно выделит ей хорошее приданое.

Элеонора – леди, и по внешности, и по манерам. И то, что она происходила из обедневшей семьи, не мешало ей, как любой другой девятнадцатилетней дебютантке, искать счастья на «брачном рынке».

Правда, возник скользкий вопрос относительно ее отца, но, по бабушкиному заверению, девушка ничего об этом не знала и считала себя дочерью Генри Розвуда. А если расследование Джастина докажет обратное, кому нужно об этом знать? Разве что отцу, если тот не знает о существовании дочери. Уместно ли в данной ситуации поднимать этот вопрос, покажет время и расследование. Он пообещал бабушке не обсуждать эту тему с Элеонорой и вновь задумался о причине настойчивого желания пожилой дамы устроить девушке светский дебют.

– Вдовствующая герцогиня решила, что вам пора обзавестись мужем.

Зеленые глаза Элеоноры недоверчиво распахнулись, бледные щеки вспыхнули. От смущения? Гнева? Может, волнения? Любопытно!

Он слишком мало ее знал, чтобы понять, в каком она настроении, но по-мужски оценил, как потемнели изумрудные глаза, загорелись румянцем щеки и от быстрого дыхания вздымалась полная грудь. Не будь юная леди протеем бабушки, чем не идеальная кандидатура в любовницы.

Он резко пресек разошедшиеся мысли. По просьбе бабушки он теперь ее опекун и был бы очень недоволен любым джентльменом, позволяющим себе столь похотливые мысли в отношении подопечной.

Глубокий вдох Элеоноры еще ярче продемонстрировал ее полную грудь.

– Я очень рада, что ее светлость так обо мне беспокоится.

– Неужели?

Уловив в его тоне насмешку, она быстро взглянула на герцога из-под ресниц. Она была благодарна герцогине за свое спасение, но ей стоило больших усилий вести себя с пожилой высокородной леди подобающе, сдерживая дерзкий нрав и острый язык. Эти недостатки частенько ее подводили, на что ей регулярно пеняла мать, пока была жива.

Она снова увидела веселье в его ярко-синих глазах, очевидно, на ее счет. Элли тут же позабыла обо всех предосторожностях и язвительно парировала:

– Рада видеть, что хоть одного из нас это забавляет! И явно не меня!

– Это, по крайней мере, отвлечет бабушку от пристального внимания к моему неженатому положению! – легко ответил он.

Элли неприязненно посмотрела на него:

– Я не больше вас хочу вступать в брак по расчету!

Ее мать Мюриэл Розвуд осталась вдовой на сносях и без гроша в кармане, хотя ее покойный муж и был младшим сыном барона. От Розвудов она получала лишь крошечное ежегодное пособие. Ее судьбой, как и судьбой ее дочери, никто не интересовался и не пытался их поддержать.

Спустя десять лет она вышла замуж за распутного повесу, которого никогда не любила, зато он мог предложить ей и дочери обеспеченный дом. Этот брак тоже не был счастли-

вым. И Элли решила, что не выйдет замуж без любви. Лучше остаться старой девой и платной компаньонкой вдовствующей герцогини, чем оказаться в несчастном браке, как мать, которая во всех смыслах превратилась в бесплатную прислужницу нелюбимого мужа, который также не питал к ней нежных чувств.

Герцог издал хрипловатый смешок.

– С моей бабушкой трудно настаивать на своем.

– Однако вы, кажется, преуспели за эти годы, – съязвила

Элли.

Джастин склонил голову, оценив ее колкость.

– К счастью, сейчас матримониальные усилия моей бабушки сконцентрированы не на моих, а на ваших брачных перспективах, дорогая кузина. И я очень надеюсь, что столь удачное положение сохранится еще несколько лет.

Элеонора нахмурилась:

– У меня нет никаких брачных перспектив!

– Появятся, как только я выделю вам большое приданое.

– Большое приданое! – повторила Элли и недоверчиво посмотрела на него. – Бога ради, да зачем вам выделять мне приданое?

Герцог поднял бровь.

– Может быть, затем, что это порадует мою бабушку?

Пару долгих секунд Элли смотрела на герцога. Тот ответил ей скучающе-неумолимым взглядом. Скучающе?

Значит, идея бабушки о ее замужестве, не считаясь с чув-

ствами и желаниями, для него не только забавна, но и скучна? Подумать только, всего несколько минут назад она вообразила, что влюблена в Джастина Сен-Джаста! С таким трепетом ждала объявления о его помолвке и браке с какой-нибудь прекрасной высокородной леди! Сейчас оставалось только пожалеть ту бедняжку, которую в конце концов выберут в герцогини этому высокомерному типу!

Для нее Джастин превратился в мучителя, который угрожал выдать ее замуж за человека, которого она не знает и не любит. Этого никак нельзя допустить! Элли понятия не имела, как избежать столь нежелательного исхода, если герцог и вдовствующая герцогиня так решительно и властно настаивают на этой идее.

Она поставила бокал на столик и лихорадочно зашагала по комнате. Как избежать ужасного брака по расчету, не расстроив при этом добрую леди и не разгневав ее злобного внука?

Джастин наполнил опустевший бокал и устроился у теплого очага. Прищуриль глаза, он наблюдал за возбужденными передвижениями Элли. Ее явно расстроила и рассердила мысль о подобном браке, прекрасный лоб прочертила глубокая морщина. Элеонора продолжала энергично мерить шагами библиотеку, позволяя Джастину по достоинству оценить ее стройную, очень женственную фигурку в простом коричневом платье, сливочно-белую шею, полную грудь и острый взгляд изумрудно-зеленых глаз.

Он представил, насколько она была бы прекрасней в облегающем платье с рассыпавшимися по плечам пламенно-рыжими волосами. Или в тонком ночном пеньюаре темно-зеленого шелка. Еще сегодня он думал, что умирает от скуки! Это уже в прошлом. Джастин испытывал огромный прилив сил и видел перед собой многообещающее будущее. Настоящий вызов – подыскать соответствующего мужа для удивительно дерзкой и определенно не желающей того мисс Элеоноры Розвуд. Столь явная неприязнь сильно разожгла и его любопытство. Интересно, каковы причины? В кругу Джастина большинство женщин считали главной целью своей жизни выгодно выйти замуж.

Может быть, Элеонора вовсе не желает связывать себя узами брака? Нет, разумеется, нет! Со стороны матушки природы было бы слишком жестоко, если бы женщина такой красоты и огненного темперамента не предназначалась в дар какому-нибудь удачливому джентльмену. При других обстоятельствах она наверняка стала бы идеальной любовницей для... Нет, нельзя думать о ней подобным образом! Он должен относиться к ней исключительно как опекун к подопечной. Даже если его сокровенные мысли постоянно текут в другом направлении!

Она все ходила из угла в угол.

– Уже придумали, как собираетесь помешать планам бабушки относительно вашего ближайшего будущего? – насмешливо поинтересовался Джастин. – Если да, может, по-

делитесь со мной?

Элли резко остановилась и взглянула через комнату на него, лениво развалившегося в кресле. Отсветы пламени золотили его модно уложенные волосы, высвечивали аристократические черты лица. От этого зрелища у нее невольно забилось сердце. Пульс ускорился, дыхание замерло, она уже засомневалась, что влюблена в него, тем не менее его внешность явно не оставляла ее равнодушной. Когда он начинал над ней насмеяться или относился высокомерно, Элли испытывала совсем иные чувства, которые сначала ее расстраивали, затем стали бесить. Она глубоко вздохнула, успокаиваясь.

– Я хочу вежливо, но твердо выразить ее светлости свое отношение к бракам по расчету. – Герцог в ответ громко расхохотался, она резко добавила: – Вы находите это забавным?

– По правде говоря, я нахожу это до невозможности абсурдным. – Джастин сверкнул белоснежными зубами в саркастической улыбке. – Уверен, вы знаете: моя бабушка обладает деликатностью тарана. Сомневаюсь, что она вообще станет принимать во внимание ваши чувства. Никакие возражения не пошатнут ее уверенности в том, что она желает для вас лучшего, – твердо добавил он, видя, что Элли собирается запротестовать.

– Может, если бы вы... о нет, я вижу, как вас забавляет эта идея! Вы даже не подумаете прийти мне на помощь! – Элли посмотрела на него с отвращением, герцог продолжал

улыбаться.

Он насмешливо на нее взглянул:

– Возможно, я бы больше склонялся вам помогать, если бы вы рассказали мне о причинах неприятия брака.

Элли нетерпеливо потрясла головой:

– Те же самые, что и у вас. Чтобы выйти замуж, я должна любить человека всем сердцем, а он должен любить меня.

Он резко поднялся, веселье сбежало с его лица, глаза похолодели и напоминали поблескивающие сапфиры.

– Вот здесь вы не правы, Элеонора, – отрывисто произнес он. – Мои чувства на этот счет ровно противоположны.

Она вопросительно подняла брови.

– Я никогда не стану рассматривать брак с женщиной, которая объяснится мне в любви. То же самое в отношении моих чувств.

Элли изумленно распахнула глаза, услышав эти слова и холодный тон, которым они были сказаны. Она думала, его неприятие брака связано с тем, что он еще не встретил женщину, которую полюбил бы настолько, чтобы сделать своей герцогиней. Оказывается, все наоборот. Интересно, почему?

Она, разумеется, знала, что в высшем свете многие браки совершаются по финансовым соображениям или из желания подняться по социальной лестнице, точно так же ее мать вышла за Фредерика Сен-Джаста. Довольно часто пары в таких браках постепенно проникались друг к другу уважением и привязанностью, иногда даже любовью. Однако в случае ма-

тери этого не случилось, ее брак с неисправимым игроком и повесой Фредериком, в лучшем случае терпимый, а в худшем болезненный, определенно влиял на представления Элли на этот счет. Однако когда джентльмен заявляет, что он категорически не хочет любить жену или чтобы она любила его, это уже слишком. Не слишком ли много он хочет от женщины: и чтобы она вышла за него замуж, и при этом не испытывала к нему никаких чувств? Может, это отвращение к чувствам будущей жены определенным образом связано с тем, что его сегодня долго не могли найти?

Элли знала, что многие титулованные джентльмены имеют любовниц, на которых, как утверждали дамы, они никогда не женятся, но к кому часто привязаны намного больше, чем к своим женам. Может, и у герцога была такая? Незнатная или замужняя светская дама, которую он никогда не сделал бы герцогиней, но испытывал прочное глубокое чувство?

Да, вероятно, это объясняет, почему он хочет брака без любви.

– Вы не думаете, что это несправедливо по отношению к вашей жене? – осторожно спросила она.

Герцог высокомерно посмотрел на нее:

– Нет, если ей все будет известно с самого начала.

Элли ахнула:

– Ни одна женщина не согласится выйти замуж на таких бесчувственных условиях.

Джастин печально улыбнулся:

– По моему опыту, подавляющее большинство женщин не остановятся и перед убийством, если это даст им шанс выйти замуж за герцога, а любовь они посылают к черту.

– Но...

– Уже поздно. Полагаю, мы достаточно об этом поговорили для одного вечера. – Он резко поставил пустой бокал на каминную полку и повернулся к Элли, явно больше не забавляясь разговором. – Могу я попросить вас сообщить мне завтра о здоровье бабушки?

– Я... да, конечно, ваша светлость. – Элеонора на мгновение растерялась от такой внезапной перемены темы. – Надеюсь, я также смогу сообщить вам, что она передумала насчет моего присутствия на балу Ройстонов.

Джастин скорчил гримасу:

– Вижу, вы не только романтик, но и оптимистка.

Элли слегка покраснела, тем не менее гордо вскинула голову.

– Питаю надежды, что я реалистка, ваша светлость.

Джастин медленно покачал головой.

– Реалистка поняла бы: пора смириться с поражением.

– Реалистка понимает: ее никогда не примут в обществе, даже, несмотря на ваше великодушное предложение выделить ей приданое. К тому же, – твердо продолжала она, – у меня совсем нет таких амбиций.

Джастин поднял брови:

– Вы считаете, у нас настолько мало влияния, что мы не

сможем вас рекомендовать?

Элеонора несколько секунд пристально изучала его лицо, затем с облегчением улыбнулась:

– Я не могу ответить на ваш вопрос, не оскорбив вас или не оговорив себя. Так что предпочту не отвечать вовсе.

«Какой разумный и достойный ответ», – с восхищением осознал Джастин. Да еще столь двусмысленный, пусть она и утверждала, что это не так.

Он в очередной раз обнаружил, что его занимает эта удивительно прямолинейная девушка. Оценил, почему бабушка так ее обожает. Эдит Сен-Джаст, как и он, не терпела щебечущих дурочек.

Джастин отвесил Элли изысканный поклон.

– Жду не дождусь сопровождать вас на балу Ройстонов, – произнес он и с немалым удивлением осознал, что это действительно так. Забавно будет понаблюдать, чем она станет заниматься и о чем говорить!

Глаза девушки тревожно расширились.

– Сопровождать меня?

Он обезоруживающе улыбнулся:

– Очередная просьба моей бабушки.

– Но зачем меня сопровождать, если я и так здесь живу?

Джастин улыбнулся:

– Затем, что, когда одинокая леди впервые появляется в обществе, ей положено быть под защитой ближайшего родственника мужского пола, и так случилось, что сия честь вы-

пала мне.

Тревога в ее глазах сменилась паникой.

– Если я войду на бал под руку с герцогом Ройстоном, все будут останавливаться и на нас глазеть, а леди шушукаться за веерами!

– Полагаю, в этом и состоит наша цель, дорогая кузина.

– Нет. – Элеонора решительно тряхнула головой, взметнув выбившиеся у виска локоны. – Даже если мне придется присутствовать на балу, как вы полагаете, я категорически отказываюсь устраивать из себя зрелище.

Джастин надменно поднял брови.

– Даже если вам окажут честь стать первой леди, которую когда-либо сопровождал на бал герцог Ройстон?

На миг она потрясенно застыла, но быстро оправилась.

– Это заставит меня только сильнее настаивать на обратном.

Джастин еще шире улыбнулся от такого упрямого оптимизма.

– Не думаю, что у вас есть способ этого избежать, разве что упадете с лестницы и сломаете себе ногу! – Он рассмеялся, заметив, что Элеонора нахмурила брови, словно всерьез рассматривая такую возможность. – Неужели, если кто-то посмотрит, как мы входим в зал, это будет так ужасно? – мягко упрекнул он, после чего пересек комнату и остановился прямо перед девушкой. – Вы совсем не льстите мужскому эго.

– Не думаю, что ваше эго нуждается в лестии, – пробормотала Элли внезапно охрипшим голосом. Джастин слишком быстро оказался рядом, это ее ужасно смутило. Он был так близко, что она чувствовала, как его теплое дыхание ерошит волосы у нее на виске.

– Не нуждается?

Прохладные длинные тонкие пальцы убрали выбившиеся локоны, коснувшись ее разгоряченного лба.

Элли сглотнула, мысленно надеясь, что ее голос прозвучит нормально.

– Зачем, если вы являетесь собой самую желанную, но неуловимую награду на «брачном рынке»? – Элли осознала, что говорит, задыхаясь лишь слегка, правда, непослушные ноги вдруг стали совсем ватными и почти ее не держали.

– Неужели представляю? – Идеально вылепленные губы растянулись в улыбке, а тонкие пальцы легонько провели по потеплевшей щеке. Элли опять сглотнула. – В смысле неуловимости или желанности?

– И того и другого.

Элли почувствовала, что ей нечем дышать. Пальцы Джастина оказались в дразнящей близости от ее полных губ, но их не касались. У Элли внезапно пересохло во рту, пришлось облизнуть губы и прокашляться.

– Ваша светлость, это абсурд.

– Ах, вы снова ставите меня на место, обращаясь по титулу, – восхищенно пробормотал он.

– Ничего подобного! – Элли попыталась собрать все свое негодование, что было нелегкой задачей, ибо герцог легонько поглаживал ее нижнюю губу большим пальцем, отчего грудь пронзали обжигающие стрелы, а внизу живота ощущался непривычный жар. – Ваша светлость...

– Джастин, – мягко поправил тот. – Или кузен Джастин, если вам так больше нравится.

– Мне не нравится, – твердо заявила Элли. Если она сейчас не остановит поддразнивание, скоро растечется лужицей рядом с его блестящими сапогами. – Действительно, уже поздно, и, кроме того, вас, может быть, кто-то сейчас дожидается и беспокоится, почему вы не возвращаетесь?

Он замер и с подозрением прищурился, скользнув глазами по ее вспыхнувшему лицу.

– Вы уже говорили что-то подобное, когда я вошел в дом.

– Ваша светлость?

– Похоже, вы, как и бабушка, полагаете, я задержался из-за того, что нежился в объятиях очередной любовницы, – предположил он.

Элли ощутила, что щеки загорелись еще жарче – без сомнения, они ужасающе дисгармонировали с рыжими волосами и подчеркивали веснушки, которые всегда отравляли ей жизнь.

– Меня нисколько не интересует, из-за чего вы задержались.

– О нет, Элеонора, думаю, вас это интересует, – мягко воз-

разил он. – И даже очень.

Она страдальчески нахмурилась, посмотрела ему в глаза и решила, что за один вечер вытерпела достаточно насмешек от этого джентльмена.

– Неужели ваше тщеславие столь велико и вы действительно полагаете, будто все встречные женщины тут же попадают под ваши чары?

– Нисколько. – Его глаза теперь весело поблескивали. – Но приятно слышать, что вы находите меня по меньшей мере очаровательным.

– На самом деле я считаю, ваша светлость, что вы тщеславный осел. – Она внезапно замолчала, ибо Джастин опустил голову и с некоторым упреком слегка прикусил ее нижнюю губу.

Элли застыла, словно превратившись в соляной столб, тут же замерло сердце. Она осознала, что холодный и высокомерный герцог Ройстон, насмешливый красавец Джастин Сен-Джаст проводит влажным чувственным языком по ее полуоткрытым губам.

Глава 5

Нежно покусывая пухленькую губку Элеоноры и наслаждаясь ее опьяняющей сладостью, Джастин почти сразу осознал, что допустил ошибку. Грандиозную.

Да, ее губы уже некоторое время возбуждали его любопытство и приводили к мыслям о глубине их чувственности, но совершенно недопустимо проявлять сей интерес к своей неофициальной подопечной, тем более протеже бабушки. Недопустимо для него самого и для Элеоноры. Она же явно в ужасе от его авансов, стоит неподвижно, точно ледяная статуя.

Джастин резко отстранился, убрал руки с ее плеч и отодвинул девушку от себя, при этом невольно обратив внимание, что ее нижняя губа слегка припухла в том месте, где он несколько секунд назад нежно покусывал ее.

– Надеюсь, вы больше не станете бросать мне вызов и оскорблять? – резко произнес он, отчаянно пытаясь отвлечь ее внимание от своего недостойного поступка.

– Вы... я... – Элли задохнулась от негодования. В распахнутых глазах читалась обида. Он откровенно пытался переложить вину за собственное шокирующее поведение на нее!

Она вырвалась из его рук и пронзила негодующим взглядом.

– Вы не просто тщеславны, сэр! Вы еще хуже! Вы не кто

иной, как...

– Да-да, – отмахнулся он скучающим тоном, понимая, что придется продолжать в таком духе, раз уж начал. – Несомненно, в ваших невинных глазах я хам, повеса и еще множество других нелицеприятных эпитетов. – Он одарил ее насмешливым взглядом и отряхнул кружевные манжеты. – Вам стоит поучиться отклонять ухаживания светских джентльменов, не опускаясь до оскорблений. Будьте тоньше, моя дорогая.

– Если они позволят себе такие вольности, какие позволили вы, почему меня должно волновать, что они сочтут себя оскорбленными? – с презрением поинтересовалась Элли.

– Это часть игры, – объявил он, надеясь, что она поверит. Элли замерла, прищутив глаза.

– Игры?

Он медленно кивнул.

– Прежде чем брать женщину в жены и в свою постель, мужчина должен как-то узнать, достаточно ли она ему для этого симпатична. Поэтому сначала он флиртует и позволяет себе одну-две вольности.

Дыхание Элли участилось.

– Вы хотите сказать, что собирались заняться со мной любовью, желая подготовить к ухаживаниям других джентльменов?

Он вскинул бровь.

– Я лишь попробовал на вкус ваши губы. Это не любовные

ласки.

Ее щеки вспыхнули.

– Ответьте на вопрос!

Он безразлично пожал широкими плечами.

– И как, подготовились?

Готова ли была Элли к той чувственной атаке, когда он покусывал ее губы, пробуя их на вкус? Могло ли вообще хоть что-то подготовить ее к тому, что сердце подскочит куда-то к горлу и совсем перестанет биться? Что все тело зальет покалывающим жаром? Что ноги превратятся в желе и откажутся держать? Что по жилам растечется горячая волна волнующих ощущений? А он в это время, оказывается, просто «готовил» ее к ухаживаниям других великосветских вельмож.

Элли выпрямилась, расправила плечи, вздернула подбородок.

– Я достаточно «подготовлена», чтобы знать, в какое уязвимое место направить колено, если какой-нибудь джентльмен попробует со мной подобные вольности!

Герцог невольно вздрогнул.

– Значит, я сегодня не потратил время впустую.

Да есть ли в мире другой столь же невыносимый и высокомерный тип, кроме того джентльмена, что сейчас здесь находится? Нет, она не станет терпеть его присутствие ни минутой больше! Она сделала шаг назад и холодно посмотрела на Джастина Сен-Джаста.

– Полагаю, мне пора подняться наверх и посмотреть, как

дела у герцогини.

Тот недоверчиво поднял брови:

– Вы меня выпроваживаете?

Элли упрямо стиснула губы, отказываясь поддаваться страху перед его надменным высокомерием.

– Разве я так сказала?

– Да.

Она чуть загадочно улыбнулась:

– Значит, наверное, так и есть.

Джастин от изумления хохотнул, проклиная про себя истину, которую осознал лишь сегодня вечером. Эта юная особа его чертовски забавляет. Мягко говоря, это не слишком для него удобно, а может, даже опасно для душевного равновесия. Последнее, что он понял, когда коснулся ее губ. Большая ошибка с его стороны, которую он поспешил объяснить уроком для Элеоноры. Собственный урок состоял в том, чтобы больше так никогда не делать.

– Я герцог, а вы бедная родственница. Вы не можете меня выпроваживать.

– Еще один урок этикета, ваша светлость?

«О боги, смелости и гордости этой женщины вполне достаточно, чтобы стать искушением для любого мужчины!» Джастин резко оборвал мысли, нахмурился и посмотрел на нее из-под прищуренных глаз.

– Боюсь, один из многих, что вам предстоят. Ваши социальные навыки печально далеки от совершенства, моя доро-

гая.

«И надо проследить, чтобы в будущем эти уроки не приносили мне такого удовольствия», – холодно подумал он.

От столь откровенного оскорбления у Элеоноры запылали щеки.

– Уверяю вас, сэръ, я и без вашей помощи отлично умею себя вести как с леди, так и с джентльменами.

– Ваши слова означают, что вы не причисляете меня к последним?

В его голосе отчетливо прозвучало предупреждение, и Элли, памятуя, как изменилась ее жизнь год назад, мудро решила к нему прислушаться. На сей раз.

– В моих словах нет скрытого значения, ваша светлость. А теперь извините. – Она сделала короткий реверанс и направилась к двери.

– А если не извиню?

Элли застыла на месте. Сердце в груди громко билось, рука, уже поднявшаяся открыть дверь, заметно дрожала. Она повернулась лицом к нему:

– Желаете мне что-то еще сообщить, ваша светлость?

Джастин желал вежливо, но решительно перекинуть строптивую девчонку через колени и как следует отшлепать пониже спины. Он не помнил, чтобы какая-то женщина настолько приводила его в бешенство и одновременно возбуждала, причем даже, кажется, без малейших усилий с ее стороны.

– Не забудьте, вы обещали мне сообщать о здоровье бабушки, – приказным тоном напомнил он.

– Как я уже говорила, обязательно сообщу, ваша светлость. – Она холодно склонила голову. – Это все?

Джастин прижал руки к бокам, сопротивляясь мгновенному искушению схватить ее за плечи и хорошенько встряхнуть, а потом привлечь к себе и снова поцеловать. Бог знает или, вероятнее, дьявол, куда это могло бы его завести!

– Пока да, – процедил он сквозь зубы.

Элеонора тут же исчезла за дверью, тихо прикрыв ее за собой.

Джастин остался в библиотеке с неприятным ощущением, что, возможно, до сего вечера он и не замечал бабушкиной компаньонки, помимо ее полных губ и соблазнительной груди, которые бы заметил любой мужчина. Сейчас он уже чересчур осведомлен о физических достоинствах Элеоноры и той радости, что доставляет ее острый язычок.

– Не могли бы вы все же пояснить, ваша светлость, зачем нам сейчас совершать верховую прогулку по парку в сопровождении горничной ее светлости? – Элли оглянулась назад, где в лучшей карете вдовствующей герцогини тряслась бедная Мэри. – Уверена, моему времени можно было бы найти лучшее применение. Я могла бы помочь ее светлости с оставшимися приготовлениями к сегодняшнему балу.

Она вопросительно взглянула на герцога, восседая на по-

слушной гнедой кобыле, которую он самолично приказал для нее оседлать.

Его точеные губы изогнулись в холодной улыбке, синие глаза прищурились под бобровой шляпой. Мускулистые ноги в бежевых панталонах с легкостью управляли энергичным конем, поддерживая неторопливый темп. Джастин и Элеонора бок о бок ехали по конной тропе.

– Чтобы разжечь любопытство лондонского света, как то-го желает моя бабушка. Она хочет, чтобы нас увидели вместе еще до вечернего бала.

Элли бросила на него любопытный взгляд:

– А ваши собственные желания? Уверена, вам очень скучно сопровождать меня на прогулке.

Джастин промолчал, сознавая, что виной его плохого настроения была отнюдь не Элеонора. Последние три дня он только тем и занимался, что выслеживал доктора Франклина. Решительно настроился получить от него полный отчет о болезни бабушки и возможностях ее излечения. Однако, к глубокому раздражению, доктор категорически не желал нарушать принцип конфиденциальности между врачом и пациентом. Его не тронули ни угрозы герцога, ни просьбы любящего внука. И единственный ответ Франклина его несколько не утешил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.